Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ об аль-Амджаде и аль-Асаде

Аллах великий наделил Камар-азЗамана от обеих его жен двумя детьми мужского пола, подобными двум светящим лунам. Старший из них был от царицы Будур, и звали его царь аль-Амджад, и младший - от царицы Хаят-ан-Нуфус, и звали его царь аль-Асад [248], и аль-Асад был красивей своего брата аль-Амджада.

И они воспитывались в величии и изнеженности и, будучи образованны, научились чистописанию, наукам, искусству управления и верховой езде, так что дошли до высшего совершенства и до пределов красоты и прелести, и женщины и мужчины прельщались ими.

И стало им около семнадцати лет, и они не покидали друг друга: вместе ели и вместе спали, не расставаясь ни в какой час и ни в какое время, и все люди из-за этого им Завидовали. И, когда достигли они возраста мужей и украсились совершенством, их отец, уезжая, стал сажать их поочередно в помещении суда, и каждый из них судил людей один день.

И случилось, по неизбежному велению и заранее назначенному приговору, что любовь к аль-Асаду, сыну Хаятан-Нуфус, запала в сердце царицы Будур, жены его отца, а любовь к аль-Амджаду, сыну царицы Будур, запала в сердце Хаят-ан-Нуфус, жены его отца. И каждая из женщин стала заигрывать с сыном другой жены и целовать его и прижимать к груди, и когда мать мальчика видела это, она думала, что это происходит от нежности и любви к детям. И страсть овладела сердцами женщин, и они прельстились мальчиками, и каждая, когда к ней входил сын другой жены, прижимала его к груди, и ей хотелось, чтобы он с ней не расставался.

И когда эта страсть продлилась над ними и они не находили пути к сближению, обе женщины отказались от питья и пищи и расстались со сладостью сна.

Вот однажды царь отправился на охоту и ловлю и приказал своим детям сесть на его место, чтобы судить, каждому по дню, как обычно..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемнадцатая ночь

Когда же настала двести восемнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь выехал на охоту и ловлю и приказал своим детям сесть на его место, чтобы судить, каждому по дню, как обычно. И в первый день сел, чтобы судить, аль-Амджад, сын царицы Будур, и стал приказывать, запрещать и назначать, и отставлять, и давать, и не давать.

И царица Хаят-ан-Нуфус, мать аль-Асада, написала ему письмо, в котором старалась смягчить и показать ему, что она привязана и влюблена в него, и поднимала завесу и осведомляла, что хочет его близости.

И взяв бумагу, она написала такие созвучия: "От несчастной влюбленной, печальной, разлученной, чья юность из-за тебя скрылась и чье мученье продлилось. Если бы я горе свое описала и ту печаль, что я испытала, и некую страсть переживала, и как плачу я и стенаю, себе сердце печальное разрывая, и как заботы мои сменяются и горести не прерываются, и как я от разлуки страдаю, с тоски и горя сгорая, - право, было бы долго в письме все это писать, и бессильны счетчики это сосчитать. Земля с небом для меня тесна стала, и на других я надеяться и рассчитывать перестала, и к смерти близка теперь я стала, и ужасы кончины испытала, и велико во мне пыланье и боль от разлуки и расставанья, и если б тоску свою я описала, на это бумаги бы недостало, и от великих бед и изнуренья я скажу такое стихотворенье:

"Коль стану описывать, какой я терплю огонь,

Недуг и любовь мою, тревогу, бессонницу,

Не хватит на всей земле ни свитков, ни перьев мне,

Чернил не останется, бумага исчезнет вся".

Потом царица Хаят-ан-Нуфус завернула эту бумагу в кусок дорогого шелка, пропитанного мускусом и шафраном, и положила с нею ленты из своих волос, которые ценностью были выше денег, а затем она завернула все это в платок и отдала это евнуху и велела ему доставить платок царю аль-Амджаду..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести девятнадцатая ночь

Когда же настала двести девятнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царица отдала платок с письмом евнуху и велела ему доставить его царю альАмджаду. И этот евнух вошел, не зная, что скрыто для него в неведомом, а знающий скрытое управляет как хочет.

И евнух, войдя к царю аль-Амджаду, поцеловал перед ним землю и подал ему письмо, передав ему поручение, и царь аль-Амджад взял платок и развернул его и увидел бумажку, которую раскрыл и прочитал, а поняв ее смысл, он узнал, что у жены его отца перед глазами измена и она обманула его отца, царя Камар-аз-Замана.

И царевич разгневался великим гневом и стал порицать женщин за их дела и воскликнул: "Да проклянет Аллах женщин-обманщиц, которым недостает ума и веры!" - а затем он обнажил меч и сказал евнуху: "О злой раб, и ты носишь письма, заключающие измену жены твоего господина! Клянусь Аллахом, нет в тебе добра, о черный по цвету и по странице твоих грехов [249], о гадкий по внешности и по гнусной природе!"

И он ударил его мечом по шее и отделил ему голову от тела. И платок с тем, что в нем было, он положил за пазуху. А потом он вошел к своей матери и сообщил ей о том, что произошло. И стал ругать и бранить ее, и сказал: "Все вы одна сквернее другой! Клянусь великим Аллахом, если бы я не боялся нарушить пристойность по отношению к моему отцу, Камар-аз-Заману, и брату, царю аль-Асаду, я бы наверное вошел к ней и отрубил ей голову, как я отрубил голову ее евнуху". И он вышел от своей матери, царицы Будур, в крайнем гневе.

А когда до царицы Хаят-ан-Нуфус дошел слух о том, что сделал царевич с ее евнухом, она стала ругать его и проклинать и задумала против него козни. А царевич альАмджад провел эту ночь больной от гнева, огорченья и раздумья, и не были ему сладки ни еда, ни питье, ни сон.

Когда же настало утро, его брат, царь аль-Асад, вышел и сел на престол своего отца, царя Камар-аз-Замана, чтобы судить людей (а его мать, Хаят-ан-Нуфус, сделалась больна, услышав, что царь аль-Амджад убил евнуха). И царь аль-Асад, воссев в этот день для суда, судил и был справедлив и назначал и отставлял и приказывал и запрещал и жаловал и оделял, и просидел он в помещении суда почти до захода солнца.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А царица Будур, мать царя аль-Амджада, послала за одной старухой из злокозненных старух и высказала ей то, что таилось в ее сердце. И она взяла листочек, чтобы написать послание царю аль-Асаду, сыну ее мужа, и посетовать на силу своей любви к нему и страсти, и написала такие созвучия: "От той, кто любовью и страстью убит, тому, чей лучше всех нрав и вид, в красоте своей превозносящемуся, изнеженностью кичащемуся, отвернувшемуся от ищущих сближения, не желающему близости тех, кто покорен в унижении, тому, кто суров и кому наскучил влюбленный, которого он измучил, - царю альАсаду, чья превосходная красота и прелесть безукоризненно чиста, чье лицо как луна сияет, чей лоб ярко блестит и чей свет сверкает. Вот письмо мое к тому, кто от страсти мое тело размягчил и кожу с костями разлучил. Знай, что терпенье мое ослабело, и не знаю я, что мне делать; страсть и бессонница меня волнуют и терпенье и покой со мной враждуют. Печаль и бессонница меня не покидают, и страсть и любовь меня терзают, а изнурение и хворь не оставляют. Пусть душа моя тебя избавит, если убить влюбленного тебя позабавит, и пусть Аллах тебя вовек сохранит и от всякого зла оградит".

И после этих строк она написала такие стихи:

"Рассудило время, чтоб быть в тебя мне влюбленному,

О ты, чья прелесть как лик луны воссияла нам!

Красноречье ты и все прелести собрал в себе,

И в тебе одном, средь творений всех, светит блеск красот.

И согласна я, чтобы стал моим ты мучителем,

Может, взгляд одни подарить ты мне не откажешься.

Кто умрет, любовью к тебе убитый, лишь тот блажен;

Нету блага в том, кто любви и страсти не ведает!"

И еще она написала такие стихи:

"О Асад, тебе, в любви сгорая, я сетую,

О, сжалься над любящей, тоскою сжигаемой.

Доколе рука любви так будет играть со мной?

Доколе бессонница и думы, и страсть и хворь?

То в море я, то стону от пламени жгучего

В душе, о мечта моя, - вот диво поистине!

Хулитель, оставь укоры! В бегстве ищи себе

От страсти спасения, из глаз проливай слезу.

Как часто в разлуке я кричал от любви: "О смерть!"

Но вопли и выкрики меня не избавили.

Хвораю в разлуке я - ее мне не вынести

Ты врач, помоги же мне в болезни чем следует.

Упреки, хулители, оставьте и бойтесь вы,

Что может любви болезнь и вам принести конец".

Потом царица Будур пропитала листок с посланием благоухающим мускусом и завернула его в ленты из своих волос - ленты из иракского шелка с кисточками из зерен зеленого изумруда, вышитые жемчугом и драгоценными камнями. И она вручила бумажку старухе и приказала ей отдать ее царю аль-Асаду, сыну ее мужа, паря Камар-аз-Замана, и старуха отправилась, чтобы ей угодить, и вошла к царю аль-Асаду в тот же час и минуту.

А когда старуха вошла, он был в одиночестве и взял от нее бумажку с тем, что в ней было, а старуха простояла некоторое время, ожидая ответа. И тогда царь альАсад прочитал бумажку и понял, что в ней заключается, а после того он завернул бумажку в ленты и положил ее За пазуху. И он разгневался сильным гневом, больше которого не бывает, и стал проклинать обманщиц женщин. А потом он поднялся и, вынув меч из ножен, ударил старуху по шее и отделил ей голову от тела.

И затем он встал и пошел и, войдя к своей матери, Хаят-ан-Нуфус, увидел, что она лежит на постели, больная после того, что с ней случилось, из-за царя аль-Амджада. И царь аль-Асад выбранил ее и проклял, и вышел и встретился со своим братом, царем аль-Амджадом, и рассказал ему обо всем, что у него было с его матерью, царицей Будур. Он сказал, что убил старуху, которая принесла ему послание, и воскликнул: "Клянусь Аллахом, о брат мой, если бы я не стыдился тебя, я бы обязательно сию же минуту вошел к ней и срубил бы ей голову с плеч".

И брат его, царь аль-Амджад, сказал ему: "Клянусь Аллахом, о брат мой, со мной случилось вчера, когда я сел на престол царства, то же, что случилось с тобой сегодня: твоя мать послала мне письмо, содержавшее такие же речи". И он рассказал ему обо всем, что у него случилось с матерью царя аль-Асада, царицей Хаят-ан-Нуфус, и сказал: "Клянусь Аллахом, о брат мой, если бы я не стыдился тебя, я бы обязательно вошел к ней и поступил бы с ней так же, как поступил с евнухом".

И они провели остаток этой ночи, разговаривая и проклиная женщин обманщиц, и посоветовали друг другу скрывать это дело, чтобы о нем не услышал их отец, Камар-аз-Заман, и не убил бы обеих женщин. И всю эту ночь, до утра, они были озабочены.

И когда настало утро, со своим войском прибыл царь с охоты и посидел немного на престоле царства, а потом он отправился в свой дворец и отпустил эмиров идти своей дорогой. И он вошел в свои покои и увидел, что обе его жены лежат на постели, крайне ослабевшие (а они учинили против своих сыновей хитрость и сговорились погубить их души, так как они опозорились и боялись оказаться во власти своей оплошности). И когда царь увидал их в таком положении, он спросил: "Что с вами?" - и женщины поднялись и поцеловали ему руку и рассказали ему все дело наоборот, сказавши: "Знай, о царь, что твои сыновья, которые воспитались в твоей милости, обманули тебя с твоими женами и заставили тебя испытать унижение".

И когда Камар-аз-Заман услышал от своих женщин Эти слова, свет стал мраком перед лицом его, и он очень разгневался, и от сильного гнева ум его улетел, и он сказал женам: "Разъясните мне, как это было!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И царица Будур сказала: "Знай, о царь времени, что твой сын аль-Асад, сын Хаят-ан-Нуфус, уже несколько дней посылал ко мне и писал мне и соблазнял меня на разврат, и я удерживала его от этого, но он не переставал. И когда ты уехал, он налетел на меня, пьяный, с обнаженным мечом в руках, и ударил моего слугу и убил его, и сел мне на грудь держа меч в руках, и я побоялась, что он убьет меня, если я стану ему противиться, как убил моего слугу, и он удовлетворил со мною свое желание насильно. И если ты не воздашь ему за меня должное, о царь, я убью себя своей рукой: нет мне нужды жить в этом мире после такого мерзкого дела!"

А Хаят-ан-Нуфус, плача и рыдая, также рассказала царю подобное тому, что рассказала его другая жена, Будур..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая, до двухсот двадцати

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот двадцати, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царица Хаят-ан-Нуфус рассказала своему мужу, царю Камар-азЗаману, то же самое, что рассказала ему царица Будур, и сказала: "У меня тоже случилось с твоим сыном альАсадом такое же", - а потом она принялась плакать и рыдать и воскликнула: "Если ты не воздашь ему за меня должное, я осведомлю об этом моего отца, царя Армануса!"

И обе женщины заплакали перед своим мужем, царем Камар-аз-Заманом, сильным плачем, и когда царь увидел, что его жены обе плачут, и услышал их речи, он уверился, что это правда, и разгневался сильным гневом, больше которого не бывает. И, поднявшись, хотел броситься на своих сыновей, чтобы убить их.

И ему повстречался его тесть, царь Арманус, который в эту минуту входил, чтобы приветствовать его, узнав, что он вернулся с охоты. И, увидев, что у Камар-аз-Замана в руке обнаженный меч и кровь капает из его ноздрей от сильного гнева, он спросил, что с ним. И Камар-азЗаман рассказал ему все, что случилось из-за его сыновей, аль-Амджада и аль-Асада, и воскликнул: "Вот я иду к ним, чтобы их убить наихудшим образом и изуродовать их самым худшим способом!"

И царь Арманус, его тесть, сказал, тоже разгневавшись на юношей: "Прекрасно будет то, что ты сделаешь, о дитя мое! Да не благословит Аллах их и всех детей, которые совершают такие поступки со своими отцами. Но только, дитя мое, говорит сказавший поговорку: "Кто не думает о последствиях, тому судьба не друг". Они при всех обстоятельствах твои дети, и не должно тебе убивать их своей рукой и выпить горечь убийства и раскаиваться в их смерти, когда бесполезно будет раскаяние. Пошли одного из невольников: пусть он их убьет в пустыне, когда их не будет у тебя перед глазами. Ведь говорится в поговорке: "Быть вдали от любимого лучше мне и прекраснее - не видит глаз, не печалится сердце".

И, услышав от своего тестя, царя Армануса, такие речи, царь Камар-аз-Заман счел их правильными. Он вложил меч в ножны и, вернувшись, сел на престол царства, я позвал своего казначея (а это был дряхлый старец, сведущий в делах и превратностях судеб) и сказал ему: "Пойди к моим сыновьям, аль-Амджаду и аль-Асаду, скрути их хорошенько, положи их в сундук и взвали на мула, а сам садись верхом, выезжай с ними на середину пустыни и зарежь их, и наполни мне два кувшина их кровью и скорее принеси мне". И казначей отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

В тот же час и минуту казначей поднялся и отправился к аль-Амджаду и аль-Асаду. И он встретил их по дороге, когда они выходили через дворцовый проход, одетые в лучшие платья и одежду, чтобы отправиться к своему отцу, царю Камар-аз-Заману, и приветствовать его и поздравить с благополучным возвращением после поездки на охоту. И, увидав юношей, казначей схватил их и воскликнул: "О дети мои, знайте, что я подневольный раб и что ваш отец отдал мне приказание. Послушны ли вы приказанию его?" И они ответили: ("Да!" - и тогда казначей подошел к ним и скрутил их и положил в сундуки и, взвалив их на спину мула, выехал с ними из города.

И он до тех пор ехал с ними в пустыне, пока не приблизился полдень, и тогда он остановился в глухом пустынном месте. Сойдя с коня, он снял сундуки со спины мула и открыл их и вынул оттуда аль-Амджада и альАсада. И, увидав их, казначей горько заплакал из-за их красоты и прелести, а потом он обнажил меч и сказал им: "Клянусь Аллахом, о господа мои, тяжело мне совершить с вами скверный поступок, но эти дела мне простительны, так как я подневольный раб, и ваш отец, царь Камар-азЗаман, велел мне отрубить вам головы". И юноши сказали ему: "О эмир, делай так, как приказал тебе царь: мы вытерпим то, что судил нам Аллах, великий, славный, и ты не ответствен за нашу кровь".

Затем братья обнялись и простились друг с другом, и аль-Асад сказал казначею: "Ради Аллаха, о дядюшка, не Заставляй меня проглотить горесть по моем брате и испить печаль о нем, но убей меня раньше него, и будет мне легче". И аль-Амджад сказал казначею то же, что сказал его брат, и стал его упрашивать, чтобы он убил его раньше брата: "Он моложе меня, не заставляй же меня вкусить печаль о нем".

И потом они оба заплакали сильным плачем, сильнее которого не бывает. И казначей тоже заплакал, глядя на их слезы..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать первая ночь

Когда же настала двести двадцать первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что казначей заплакал из-за их плача, а потом братья обнялись и простились друг с другом, и один из них сказал другому: "Это все - козни обманщиц - твоей матери и моей матери, - и вот воздаяние за то, как я поступил с твоей матерью и как ты поступил с моей матерью. Но нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!"

Аль-Асад обнял своего брата и произнес, испуская вздохи, такие стихи:

"О ты, к кому я, в страхе сетуя, стремлюсь,

Лишь ты для всех случайностей прибежище.

Одна мне хитрость - постучаться в дверь к тебе,

А отвергнут буду - в какую дверь стучаться мне?

О ты, чьих благ сокровища в словечке "будь",

Пошли - ведь благо у тебя все собрано",

И когда аль-Амджад услышал плач своего брата, он заплакал и прижал его к груди и произнес такое двустишие:

"О ты, чья рука со мной всегда не одна была,

О ты, чьих подарков ряд превыше счисления,

Всегда, коль постигнут был я рока превратностью,

Я видел, что за руку ты тотчас меня берешь".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А после этого аль-Амджад сказал казначею: "Прошу тебя ради единого покоряющего, царя покрывающего, убей меня раньше моего брата аль-Асада: может быть, мой огонь погаснет, не дай же ему разгореться". Но аль-Асад заплакал и воскликнул: "Раньше убит буду только я!" - и аль-Амджад сказал: "Лучше всего будет, если ты обнимешь меня, а я обниму тебя, чтобы меч, опустившись на нас, убил нас разом".

А когда они обнялись, повернувшись лицом к лицу, и прижались друг к другу, казначей связал их и привязал веревками, плача, а затем он обнажил меч и воскликнул: "Клянусь Аллахом, о господа мои, мне тяжело убивать вас! Нет ли у вас пожелания, которое бы я исполнил, или завещания, которое я бы выполнил, или же послания, которое я бы доставил?" - "Нет у нас ничего, - сказал альАмджад, - а что касается завещания, - я завещаю тебе положить моего брата аль-Асада снизу" а меня сверху, чтобы удар пал на меня сначала. А когда ты кончишь нас и прибудешь к царю и он тебя спросит: "Что ты слышал от них перед смертью?" - скажи ему: "Твои сыновья передают тебе привет и говорят, что ты не знаешь, невинны они или грешны. Ты убил их, не удостоверившись в их проступке и не рассмотрев их дела". А потом скажи ему такие два стиха:

"Знай, женщины-дьяволы, для нас сотворенные,

Аллах, защити меня от козней шайтанов!

Причина всех бед они, возникших среди людей,

И в жизни людей земной и в области веры",

Мы хотим от тебя лишь того, чтобы ты передал отцу эти два стиха, которые ты услышал", - сказал альАмджад..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать вторая ночь

Когда же настала двести двадцать вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что альАмджад сказал казначею: "Мы хотим от тебя лишь того, чтобы ты передал отцу эти два стиха, которые ты слышал, и прошу тебя, ради Аллаха, потерпи с нами, пока я скажу брату еще вот эти два стиха".

И потом он горько заплакал и стал говорить;

"Цари, ушедшие от нас

В минувшем, служат назиданьем,

Ведь сколько этою стезей

Больших и малых проходило!"

Услышав от аль-Амджада эти слова, казначей так сильно заплакал, что увлажнил себе бороду, а что до аль-Асада, то его глаза залились слезами, и он произнес такие стихи:

"Судьба после самых дел следами их нас сразит

Чего же оплакивать тела нам и образы?

Чем ночь отличается - оплошность, Аллах, прости!

От ночи, обманутой рукою превратностей?

Зажгла против Ибн Зубейда козни свои судьба, [250]

Хоть в храме у камня он защиты искал себе"

О, если бы, Амра жизнь избавив за Хариджу,

Алия избавила судьба за чью хочет жизнь!" [251]

А затем он окрасил щеку ливнем слез и произнес такие стихи:

"Поистине, ночь и день природой так созданы,

Обманы присущи им, и козни, и хитрости.

Обманное марево - для них только блеск зубов,

И мрак устрашающий для них лишь сурьма для глаз-

Проступок пред ночью мой (противен мне нрав ее!)

Проступок меча, когда храбрец отступает вдруг".

А потом он стал испускать вздохи и произнес такие стихи:

"О стремящийся к жизни низменной, поистине

Она смерти сеть и вместилище смущении.

Вот дом - когда смешит тебя сегодня он,

Ты плачешь завтра, - гибель тому дому!

Набегам рока нет конца; плененных им

Не выкупить отвагой благородной.

Сколь многие, обманчивость презрев судьбы,

Враждебны стали ей, превысив силы,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

По, щит к ним тылом повернув, она

В отместку нож их кровью напоила.

И знай, судьбы удары нас разят,

Хоть долог срок и лет судьбы не спешен.

Смотри ж, чтоб жизнь твоя напрасно не прошла

Неосторожно, по пренебреженью.

Порви ж любви и желаний узы - найдешь тогда

Ты верный путь и блаженство тайн высоких".

И когда аль-Асад окончил эти стихи, он обнял своего брата аль-Амджада так, что они сделались как бы одним существом, а казначей обнажил меч и хотел ударить, но вдруг его конь умчался в пустыню (а он стоил тысячу динаров, и на нем было великолепное седло, стоящее больших денег). И казначей выронил из рук меч и побежал за своим конем..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать третья ночь

Когда же настала двести двадцать третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что казначей побежал вслед за конем (а душа его пылала) и до тех пор бежал за ним, чтобы схватить его, пока конь не вошел в заросль, и казначей вошел в эту Заросль вслед за ним. И конь прошел на середину заросли и ударил ногою об землю, и поднялась пыль, и взвилась, и взлетела вверх, а конь стал храпеть, сопеть и ржать и распаляться.

А в этой заросли был лев, очень страшный, безобразный видом, и у него глаза метали искры а морда была мрачная, и вид его ужасал души. И казначей обернулся и увидел, что этот лев направляется к нему. И не знал казначей, куда бежать из его лап, и не было у него меча. И казначей воскликнул: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Эта беда случилась со мной лишь из-за аль-Амджада и аль-Асада, и эта поездка была Злосчастной с самого начала!"

А аль-Амджада и аль-Асада палил зной, и они чувствовали сильную жажду, так что даже высунули языки. И они стали звать на помощь, но никто не помог им. И тогда они воскликнули: "О, если бы нас убили, мы избавились бы от Этого! Но мы не знаем, куда умчался конь, и казначей побежал за ним и оставил нас связанными. Если бы он пришел и убил нас, это было легче, чем выносить такую муку!"

"О брат мой, - сказал аль-Асад, - потерпи: скоро придет к нам облегченье от Аллаха, великого, славного, ведь конь умчался не иначе как по милости Аллаха, а мучит нас только жажда".

И он встряхнулся и задвигался направо и налево, и его узы развязались, и тогда он поднялся и развязал узы своего брата, а затем взял меч эмира и сказал своему брату: "Клянусь Аллахом, мы не уйдем отсюда, пока не выясним и не узнаем, что с ним случилось!"

И они пошли по следам везиря, а следы привели их к Зарослi, и братья сказали один другому: "Поистине, конь и казначей не прошли дальше этой заросли". - "Постой здесь, - сказал аль-Асад своему брату, - а я пойду в заросль и посмотрю эмира". Но аль-Амджад воскликнул:

"Я не дам тебе войти в нее одному, и мы войдем только оба! Если мы спасемся, то спасемся вместе, а если погибнем, то погибнем вместе".

И оба вошли и увидели, что лев уже бросился на казначея, и тот был под ним словно воробей, но только од молил Аллаха и показывал рукою на небо. И, когда альАмджад увидел это, он схватил меч и, бросившись на льва, ударил его мечом между глаз, и лев упал и растянулся на Земле.

Эмир поднялся, дивясь этому делу, и увидел аль-Амджада и аль-Асада, сыновей своего господина, которые стояли перед ним. И он кинулся им в ноги и воскликнул:

"Клянусь Аллахом, о господа мои, не годится, чтобы я допустил с вами крайность, убивши вас! Да не будет того, кто вас убьет! Я выкуплю вас своей душой..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать четвертая ночь

Когда же настала двести двадцать четвертая ночь, она сказала: Дошло до меня, о счастливый царь, что казначей сказал аль-Амджаду и аль-Асаду: "Я выкуплю вас своей душой!" - а затем он поднялся в тот же час и минуту и обнял их и спросил, каким образом они развязали на себе узы и явились. И братья рассказали ему, что они почувствовали жажду и узы развязались на одном из них, и тот развязал другого благодаря чистоте их намерений, а потом они пошли по следу и пришли к нему.

И казначей, услышав эти слова, поблагодарил братьев за их поступок и вышел с ними из заросли, и, оказавшись вне заросли, они сказали ему: "О дядюшка, сделай так, как тебе велел наш отец", но казначей воскликнул: "Не допусти Аллах, чтобы я приблизился к вам со злом! Знайте, что я хочу снять с вас одежду и одеть вас в свою одежду, а потом я наполню две бутылки кровью льва и пойду к царю и скажу ему: "Я убил их". А вы идите странствовать по городам: земли Аллаха просторны, и знайте, о господа мои, что разлука с вами мне тяжела".

И потом все заплакали, - и казначей и оба юноши, - и они сняли с себя одежды, и казначей одел их в свое платье. И он отправился к царю, захватив с собою их платье, и завязал платье каждого в узел, и наполнил бутылки львиной кровью, и узлы он положил перед собою, на спину коня.

И казначей, простившись с братьями, поехал, направляясь в город, и ехал до тех пор, пока не вошел к царю. Он поцеловал перед ним землю, и царь увидал, что лицо у него изменилось (а было это из-за того, что случилось у него со львом), и подумал, что это потому, что он убил его сыновей. И царь обрадовался и спросил его: "Сделал ли ты то дело?" И казначей ответил: "Да, о владыка наш!" - и протянул ему узлы, в которых была одежда и бутылки, наполненные кровью.

"Как они себя показали и поручили ли они тебе чтонибудь?" - спросил царь. И казначей ответил: "Я нашел их терпеливыми, отдавшимися тому, что их постигло, и они сказали мне: "Нашему отцу простительно. Передай ему от нас привет и скажи ему: "Ты не ответствен за то, что убил нас, и за нашу кровь". И мы поручаем тебе передать ему такие два стиха". Вот они:

"Знай, женщины-дьяволы, для нас сотворенные,

Спаси же, Аллах, меня от козней шайтанов!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Причина всех бед они, возникших среди людей,

И в жизни людей земной и в области веры".

И, услыхав от казначея эти слова, царь надолго опустил голову к земле, и понял он, что эти слова его детей указывают, что они были убиты несправедливо. И он подумал о кознях женщин и их хитростях и, взяв узлы, развязал их и принялся рассматривать одежду своих сыновей и плакать..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать пятая ночь

Когда же настала двести двадцать пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о великий царь, что царь Камар-аз-Заман развязал узлы и стал рассматривать одежду своих сыновей и плакать. И он развернул одежду своего сына аль-Асада и нашел у него в кармане бумажку, написанную почерком своей жены Будур, и в ней были ленты из ее волос. И царь развернул бумажку и прочитал ее и, поняв ее смысл, узнал, что с сыном аль-Асадом поступлено несправедливо. Потом он обыскал сверток одежды аль-Амджада и нашел у него в кармане бумажку, написанную рукою своей жены Хаятан-Нуфус, и в бумажке были ленты из ее волос. И он развернул бумажку и, прочитав ее, понял, что с его сыном поступили несправедливо.

Тогда он ударил рукою об руку и воскликнул: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Я убил обоих своих детей безвинно". И он принялся бить себя по щекам, восклицая: "Увы, мои дети! Увы, долгая печаль моя!" - и велел построить две гробницы в одной комнате и назвал ее Домом печалей. И он написал на гробницах имена своих детей и, бросившись на могилу альАмджада, заплакал и застонал и зажаловался и произнес такие стихи:

"О месяц мой! Под прахом сокрылся он,

О нем рыдают звезды блестящие.

О ветвь моя! Не может, как нет ее,

Изгиб коснуться взора смотрящего.

Очам не дам ревниво я зреть тебя,

Пока миров не стану других жильцом.

И утонул в слезах я бессонницы,

И потому в аду себя чувствую"

Потом он бросился на могилу аль-Асада и стал плакать и стонать и жаловаться и пролил слезы и произнес такие стихи:

"Хотел бы я разделить с тобою смерть твою,

Но Аллах хотел не того, чего хотел я.

Зачернил я все меж просторным миром и взглядом глаз,

А все черное, что в глазах моих, - то стерлось.

До конца излить не могу я слезы, коль плачу я,

Ведь душа моя пошлет им подкрепленье.

О, смилуйся и дай увидеть ты там себя,

Где сходны все - и господа и слуги".

И после этого царь принялся еще сильнее стонать и плакать, а окончив плакать и говорить стихи, он оставил любимых и друзей и уединился в доме, который назвал Домом печалей, и стал там оплакивать своих детей, расставшись с женами, друзьями и приятелями.

Вот что было с ним.

Что же касается аль-Амджада и аль-Асада, то они, не переставая, шли в пустыне и питались злаками земли, а пили остатки дождей в течение целого месяца, пока их путь не привел их к горе из черного кремня, неведомо где кончавшейся. А дорога у этой горы разветвлялась: одна дорога рассекала гору посредине, а другая шла на вершину ее. И братья пошли по дороге, которая вела наверх, и шли по ней пять дней, но не видели ей конца, и их охватила слабость от утомления, так как они не были приучены ходить по горам или в другом месте.

И когда они потеряли надежду достичь конца этой горы, братья вернулись и пошли по дороге, которая проходила посреди горы..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать шестая ночь

Когда же настала двести двадцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда аль-Амджад и аль-Асад, дети Камараз-Заман вернулись с дороги, шедшей по горе вверх, на ту дорогу, что проходила посреди горы, они шли по ней весь этот день, до ночи. И аль-Асад устал от долгой ходьбы и сказал своему брату: "О брат мой, я не могу больше идти, так как очень слаб", - и аль-Амджад ответил: "О брат мой, укрепи свою душу: быть может, Аллах нам облегчит".

И они прошли некоторое время ночью, и мрак сгустился над ними, и аль-Асад почувствовал сильную усталость, сильнее которой не бывает, и сказал: "О брат мой, я устал и утомился от ходьбы", - и он бросился на землю и заплакал. И брат его аль-Амджад понес его и то шел, неся своего брата, то садился отдыхать, пока не наступило утро.

И тогда он поднялся с ним на гору, и они увидели там ручей текущей воды, а подле него гранатовое дерево и михраб, и не верилось им, что они это видят. А потом они сели у этого ручья, напились из него воды и поели гранатов с того дерева и спали в этом месте, пока не взошло солнце.

Тогда они сели и умылись в ручье и поели тех гранатов, что росли на дереве, и проспали до вечера, и хотели идти, но аль-Асад не мог идти, и у него распухли ноги. И братья пробыли в этом месте три дня, пока не отдохнули, а затем они шли по горе в течение дней и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
ночей, идя по вершине горы, и погибали, томясь жаждой.

Но, наконец, показался вдали город, и они обрадовались и продолжали идти, пока не достигли города, а приблизившись к нему, они возблагодарили Аллаха великого, и аль-Амджад сказал аль-Асаду: "О брат мой, сядь здесь, а я пойду и отправлюсь в город и посмотрю, что это за город и кому он принадлежит и где мы находимся на обширной земле Аллаха. Мы узнаем, через какие мы прошли страны, пересекая эту гору: ведь если бы мы шли вокруг ее подножия, мы бы не достигли этого города в целый год. Хвала же Аллаху за благополучие". - "О брат мой, - сказал аль-Асад, - никто не спустится и не войдет в этот город, кроме меня. Я выкуп за тебя, и, если ты меня оставишь и сейчас спустишься и скроешься от меня, я буду делать тысячу предположений и меня затопят мысли о тебе. Я не могу вынести, чтобы ты от меня удалился". И аль Амджад сказал ему: "Иди и не задерживайся!"

И аль-Асад спустился с горы, взяв с собой денег, и оставил брата ожидать его. И он пошел и шел под горой, не переставая, пока не вошел в город и не прошел по его переулкам. И по дороге его встретил один человек - глубокий старец, далеко зашедший в годах, и борода спускалась ему на грудь и была разделена на две части, а в руках у старика был посох, и одет был старик в роскошную одежду, а на голове у него был большой красный тюрбан. И, увидев этого старика, аль-Асад подивился его одеянию и облику и, подойдя к нему, приветствовал его и спросил: "Где дорога на рынок, о господин мой?" - и когда старик услыхал его слова, он улыбнулся ему в лицо и сказал:

"О дитя мое, ты как будто чужеземец?" - "Да, я чужеземец", - ответил ему аль-Асад..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать седьмая ночь

Когда же настала двести двадцать седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старик, встретивший аль-Асада, улыбнулся ему в лицо и сказал: "О дитя мое, ты как будто чужеземец?" - и аль-Асад отвечал ему "Да, я чужеземец". - "О дитя мое, - сказал старик, - ты возвеселил наши земли и заставил тосковать земли твоих родных. Чего же ты хочешь на рынке?" - "О дядюшка, - ответил аль-Асад, - у меня есть брат, которого я оставил на горе. Мы идем из далеких стран, и путешествию нашему уже три месяца, и когда мы подошли к этому городу, я оставил моего старшего брага на горе и пришел сюда купить еды и еще кое-чего и вернуться к брату, чтобы мы могли этим питаться".

И старик сказал ему: "О дитя мое, радуйся полному благополучию и узнай, что я устроил пир и у меня много гостей и я собрал для пира самые лучшие и прекрасные кушанья, которых желают души. Не хочешь ли ты отправиться со мною в мое жилище? Я дам тебе то, что ты хочешь, и не возьму от тебя ничего и никакой платы и расскажу тебе о положении в этом городе. Хвала Аллаху, о дитя мое, что я нашел тебя и никто тебя не нашел, кроме меня". - "Совершай то, чего ты достоин, и поспеши, так как мой брат меня ожидает и его ум целиком со мной", - ответил аль-Асад.

И старик взял его за руку и повернул с ним в узкий переулок. И он стал улыбаться в лицо аль-Асаду и говорил ему: "Слава Аллаху, который спас тебя от жителей этого города!" - и до тех пор шел с ним, пока не вошел в просторный дом, где был зал.

И вдруг посреди нею оказалось сорок стариков, далеко зашедших в годах, которые сидели все вместе, усевшись кружком, и посреди горел огонь, и старики сидели вокруг огня и поклонялись ему, прославляя его.

И когда аль Асад увидел это, он оторопел и волосы на его теле поднялись, и не знал он, каково их дело, а старик закричал этим людям: "О старцы огня, сколь благословен Этот день!" Потом он крикнул: "Эй, Гадбан!" - и к нему вышел черный раб высокого роста, ужасный видом, с хмурым лицом и плоским носом. И старик сделал рабу знак, и тот повернул аль-Асада к себе спиною и крепко связал его, а после этого старик сказал рабу: "Спустись с ним в ту комнату, которая под землею, и оставь его там, и скажи такой-то невольнице, чтобы она его мучила и ночью и днем".

И раб взял аль-Асада и, отведя его в ту комнату, отдал его невольнице, и та стала его мучить и давала ему есть одну лепешку рано утром и одну лепешку вечером, а пить - кувшин соленой воды в обед и такой же вечером. А старики сказали друг другу: "Когда придет время праздника огня, мы зарежем его на горе и принесем его в жертву огню".

Однажды невольница спустилась к нему и стала его больно бить, пока кровь не потекла из его боков и он не потерял сознанье, а потом она поставила у него в головах лепешку и кувшин соленой воды и ушла и оставила его. И аль Асад очнулся в полночь и нашел себя связанным и побитым, и побои причиняли ему боль. И он горько заплакал и вспомнил свое прежнее величие, и счастье, и власть, и господство, и разлуку с отцом и со своей былой властью..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать восьмая ночь

Когда же настала двести двадцать восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Асад увидел себя связанным и побитым, и причиняли ему боль. И он вспомнил свое прежнее величие, и счастье, и славу, и господство и заплакал и произнес, испуская вздохи, такие стихи:

"Постой у следов жилья и там расспроси о нас

Не думай, что мы в жилье, как прежде, находимся

Теперь разлучитель рок заставил расстаться нас,

И души завистников о нас не злорадствуют.

Теперь меня мучает бичами презренная,

Что сердце свое ко мне враждою наполнила.

Но, может быть, нас Аллах с тобою сведет опять

И карой примерною врагов оттолкнет от нас".

И, окончив свои стихи, аль-Асад протянул руку и нашел у себя в головах лепешку и кувшин соленой воды. Он поел немного, чтобы заполнить пустоту и удержать в себе дух, и выпил немного воды и до самого утра бодрствовал из-за множества клопов и вшей.

А когда наступило утро, невольница спустилась к нему и переменила на нем одежду, которая была залита кровью и прилипла к его коже, так что кожа его слезла вместе с рубахой. И аль-Асад закричал и заохал и воскликнул: "О владыка, если это угодно тебе, то прибавь мне еще! О господи, ты не пренебрежешь тем, кто жесток со мной, - возьми же с него за меня должное". И затем он испустил вздохи и произнес такие стихи:

"К твоему суду терпелив я буду, о бог и рок,

Буду стоек я, коль угодно это, господь, тебе.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Я вытерплю, владыка мой, что суждено,

Я вытерплю, хоть ввергнут буду в огонь гада,

И враждебны были жестокие и злы ко мне,

Но, быть может, я получу взамен блага многие.

Не можешь ты, о владыка мой, пренебречь дурным,

У тебя ищу я прибежища, о господь судьбы!"

И слова другого:

"К делам ты всем повернись спиной,

И дела свои ты вручи судьбе.

Как много дел, гневящих нас,

Приятны нам впоследствии.

Часто тесное расширяется,

А просторный мир утесняется.

Что хочет, то и творит Аллах,

Не будь же ты ослушником.

Будь благу рад ты скорому

Забудешь все минувшее".

А когда он окончил свои стихи, невольница стала бить его, пока он не потерял сознания, и бросила ему лепешку и оставила кувшин соленой воды и ушла от него. И остался он одиноким, покинутым и печальным, и кровь текла из его боков, и он был заковал в железо и далек от любимых.

И, заплакав, он вспомнил своего брата и прежнее величие..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести двадцать девятая ночь

Когда же настала двести двадцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что альАсад вспомнил своего брата и прежнее свое обличие и принялся стонать и жаловаться, и охать и плакать, и, проливая слезы, произнес такие стихи:

"Дай срок, судьба! Надолго ль зла и враждебна ты

И доколе близких приводишь ты и уводишь вновь?

Не пришла ль пора тебе сжалиться над разлученным

И смягчиться, рок, хоть душа, как камень, крепка твоя?

Огорчила ты мной любимого, тем обрадовав

Всех врагов моих, когда беды мне причинила ты,

И душа врагов исцелилась, как увидели,

Что в чужой стране я охвачен страстью, один совсем.

И мало им постигших меня горестей,

Отдаления от возлюбленных и очей больных,

Сверх того постигла тюрьма меня, где так тесно мне,

Где нет друга мне, кроме тех, кто в руки впивается,

И слез моих, что текут как дождь из облака,

И любовной жажды, огнем горящей, негаснущим.

И тоски, и страсти, и мыслей вечных о прошлых днях,

И стенания и печальных вздохов и горестных.

Я борюсь с тоской и печалями изводящими

И терзаюсь страстью, сажающей, поднимающей.

Не встретил я милосердого и мягкого,

Кто бы сжалился и привел ко мне непослушного.

Найдется ль друг мне верный, меня любящий,

Чтоб недугами и бессонницей был бы тронут он?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Я бы сетовал на страдания и печаль ему,

Л глаза мои вечно бодрствуют и не знают сна.

И продлилась ночь с ее пытками, и, поистине,

На огне заботы я жарюсь ведь пламенеющей.

Клопы и блохи кровь мою всю выпили,

Как пьют вино из рук гибкого, чьи ярки уста.

А плоть моя, что покрыта вшами, напомнит вам

Деньги сироты в руках судей неправедных.

И в могиле я, шириной в три локтя, живу теперь,

То мне кровь пускают, то цепью тяжкой закован я,

И вино мне - слезы, а цепь моя мне музыка,

На закуску - мысли, а ложе мне - огорчения".

А окончив свое стихотворение, нанизанное и рассыпанное, он стал стонать и сетовать и вспомнил, каково было ему прежде и как постигла его разлука с братом. И вот то, что было с ним.

Что же касается его брата аль-Амджада, то он прождал своего брата аль-Асада до полудня, но тот не вернулся к нему, и тогда сердце аль-Амджада затрепетало, и усилилась у него боль от разлуки, и он пролил обильные слезы..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до двухсот тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот тридцати, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Амджад прождал своего брата аль-Асада до полудня, но тот не вернулся к нему, и сердце аль-Амджада затрепетало, и усилилась боль от разлуки, и он пролил обильные слезы и стал плакать и кричать: "Увы, мой братец, увы, мой товарищ! О горе мне! Как я страшился разлуки!"

Потом он спустился с горы (а слезы текли у него по щекам) и вошел в город, и шел по городу, пока не достиг рынка. И он спросил людей, как называется этот город и кто его обитатели, и ему сказали: "Этот город называется Город магов, и жители его поклоняются огню вместо всесильного владыки". А потом аль-Амджад спросил про Эбеповый город, и ему сказали: "От него до нас расстояние по суше - год, а по морю - шесть месяцев, и царя его зовут Арманус, и теперь он сделался тестем одного султана и поставил его на свое место, а того царя зовут Камар-азЗаман, и он справедлив, милостив и щедр, и честен".

Когда аль-Амджад услышал упоминание о своем отце, он стал плакать, стонать и жаловаться и не знал, куда ему направиться. Он купил себе кое-чего поесть и зашел в одно место, чтобы там укрыться, а затем сел и хотел поесть, но, вспомнив своего брата, заплакал и поел через силу, лишь столько, чтобы удержать в теле дух.

Затем он пошел бродить по городу, чтобы узнать, что случилось с его братом, и увидал одного человека, мусульманина, портного в лавке. И он сел возле портного и рассказал ему свою историю, и портной сказал: "Если он попал в руки кому-нибудь из магов, ты его вряд ли увидишь. Может быть, Аллах сведет тебя с ним. Не хочешь ли, о брат мой, поселиться у меня?" - спросил он его потом. И аль-Амджад сказал: "Хорошо!" - и портной обрадовался этому. И аль-Амджад провел у портного несколько дней, и тот развлекал его и призывал к стойкости и учил его шить, пока юноша не сделался искусным.

Однажды аль-Амджад вышел на берег моря и вымыл свою одежду и, сходив в баню, надел чистое платье, а потом он вышел из бани и пошел гулять по городу. И он встретил по дороге женщину, красивую и прелестную, стройную и соразмерную, на редкость прекрасную, которой нет подобия по красоте. И, увидав аль-Амджада, женщина подняла с лица покрывало и сделала ему знак бровями и глазами, бросая на него влюбленные взоры, и произнесла такие стихи:

"Потупил я взор, увидев, что ты подходишь,

Как будто бы ты глаз солнца с небес, о стройный!

Поистине, ты прекраснее всех представших,

Вчера был хорош, сегодня еще ты лучше.

И если б красу на пять разделить, то взял бы

Иосиф себе лишь часть, да и ту не полной".

И когда аль-Амджад услышал речи женщины, его сердце возвеселилось из-за нее, и члены его устремились к ней, и руки страстей стали играть с ним, и он произнес, указывая на нее, такие стихи:

"Перед розой щек, в защиту ей, терновый шип,

Так кто ж душе внушит своей сорвать его?

Не протягивай к ней руки своей, - надолго ведь

Разгорятся войны за то, что оком взглянули мы.

Скажи же той, кто, обида нас, соблазнила нас:

"Будь ты праведной, ты б сильней еще соблазнила нас",

Закрывая лик, ты сбиваешь нас лишь сильней с пути,

И считаю я, что с красой такой лучше лик открыть.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
Ее лик, как солнце, не даст тебе на себя взирать;

Лишь одетое тонким облаком, оно явится.

Исхудавшие охраняются худобой своей,

Так спросите же охранявших стан, чего ищем мы.

Коль хотят они истребить меня, перестанут пусть

Быть врагами нам и оставят нас с этой женщиной.

Не сразить им нас, если выступят против нас они,

Как разят глаза девы с родинкой, коль пойдут на нас",

Услышав от аль-Амджада это стихотворение, женщина испустила глубокие вздохи и произнесла, указывая на него, такие стихи:

"Стезею расставанья ты пошел, а не я пошла;

Любовь подари ты мне - пришла пора верности,

О ты, что жемчужиной чела как заря блестишь

И ночь посылаешь нам с кудрей на висках твоих!

Ты образу идола заставил молиться нас,

Смутив им: уже давно ты смуту зажег во мне.

Не диво, что жар любви сжег сердце мое теперь

Огня лишь достоин тот, кто идолам молится,

Без денег подобных мне и даром ты продаешь,

Ух если продашь меня, так цену мою возьми",

И когда аль-Амджад услышал от нее такие слова, он спросил ее: "Ты ли придешь ко мне, или я приду к тебе?" - и женщина склонила от стыда голову к земле и прочитала слова его: "Велик он! Мужчины да содержат женщин на то, в чем Аллах дал им преимущество друг перед другом".

И аль-Амджад понял ее намек..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать первая ночь

Когда же настала двести тридцать первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что альАмджад понял намек женщины и узнал, что она хочет пойти с ним туда, куда он пойдет, и решил подыскать для женщины место, но ему было стыдно идти с ней к портному, своему хозяину.

И он пошел впереди, а она - сзади, и он ходил с нею из переулка в переулок и из одного места в другое, пока женщина не устала и не спросила: "О господин, где твой дом?" - "Впереди, - отвечал аль-Амджад, - до него осталось немного". И он свернул с нею в красивый переулок и прошел (а женщина позади него) до конца переулка, и оказалось, что он не сквозной. "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!" - воскликнул альАмджад, а затем он повел глазами вокруг себя и увидел в конце переулка большие ворота с двумя скамьями, но только ворота были заперты.

И аль-Амджад сел на одну из скамей, и женщина села на другую и спросила: "О господин мой, чего ты дожидаешься?" - и аль-Амджад надолго склонил голову к земле, а затем поднял голову и сказал: "Я жду моего невольника: ключ у него, и я сказал ему: "Приготовь нам еду и питье и цветов к вину, когда я выйду из бани". И он подумал про себя: "Может быть, ей не захочется долго ждать, и она уйдет своей дорогой и оставит меня в этом месте, и я тоже уйду своей дорогой".

А когда время показалось женщине долгим, она сказала: "О господин, твой невольник заставил нас ждать, сидя в переулке", - и подошла к дверному засову с камнем. "Не торопись, подожди, пока придет невольник!" сказал ей аль-Амджад, но она не стала слушать его слов и, ударив камнем по засову, разбила его пополам - и ворота распахнулись. "И как это тебе пришло в голову это сделать?" - спросил ее аль-Амджад, а она воскликнула: "Ой, ой господин мой, а что же случилось? Не твой ли это дом и не твое ли жилище?" - "Да, - отвечал аль-Амджад, - но не нужно было ломать засов".

И потом женщина вошла в дом, а аль-Амджад остался, растерянный, так как он боялся хозяев дома, и не знал, что делать. "Почему ты не входишь, о свет моего глаза и последний вздох моего сердца?" - спросила его женщина, и аль-Амджад ответил: "Слушаю и повинуюсь, но только невольник задержался, и я не знаю, сделал ли он что-нибудь из того, что я ему приказал, или нет".

И он вошел с женщиной в дом, в величайшем страхе перед хозяевами жилища. А войдя в дом, он увидел прекрасную комнату с четырьмя портиками, расположенными друг против друга. И в комнате были чуланчики и скамейки, устланные коврами из шелка и парчи, а посреди нее был драгоценный водоем, по краям которого были расставлены подносы, украшенные камнями и драгоценностями и наполненные плодами и цветами, а рядом с подносами были сосуды для питья, и, кроме того, там был подсвечник со вставленной в него свечой. И все помещение было полно дорогими материями, и там были сундуки и кресла, и на каждом кресле был узел, а на узле мешок полный дирхемов, золота и динаров, и дом свидетельство вал о благосостоянии его владельца, так как пол в нем был выстлан мрамором.

И когда аль-Амджад увидел это, он пришел в замешательство и воскликнул про себя: "Пропала моя душа! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!" А что до женщины, то, увидев это помещение, она обрадовалась сильной радостью, больше которой не бывает, и сказала: "Клянусь Аллахом, о господин мой, твой невольник ничего не упустил: он вымел комнату, сварил кушанье и приготовил плоды, и я пришла в самое лучшее время". Но аль-Амджад не обратил на нее внимания, так как его сердце было отвлечено страхом перед хозяевами дома. И женщина сказала ему: "Ой, господин мой, сердце мое, чего ты так стоишь?" - а затем она испустила крик и дала аль-Амджаду поцелуй, щелкнувший, как разбиваемый орех, и сказала: "О господин мой, если ты условился с другой, то я выпрямлю спину и буду ей служить".

И аль-Амджад засмеялся, хотя сердце его было полно гнева, а затем он вошел и сел, отдуваясь и думая про себя: "О злое убийство, что ждет меня, когда придет хозяин дома!" И женщина села с ним рядом и стала играть и смеяться, и аль-Амджад был озабочен и нахмурен и строил насчет себя тысячу расчетов, думая: "Хозяин дома обязательно придет, и что я ему скажу? Он обязательно убьет меня, без сомнения, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
моя душа пропадет".

А женщина поднялась и, засучив рукава, взяла столик и накрыла его скатертью и уставила кушаньями и стала есть и сказала аль-Амджаду: "Ешь, о господин мой!" И аль-Амджад подошел, чтобы поесть, но еда не была ему приятна, и он поглядывал в сторону двери, пока женщина не поела досыта. И она убрала столик и, подав блюдо с плодами, принялась закусывать, а затем подала напитки и, открыв кувшин, наполнила кубок и протянула его альАмджаду. И аль-Амджад взял кубок, говоря про себя: "Увы, увы мне, когда хозяин этого дома придет и увидит меня!"

И глаза его были устремлены в сторону входа, и кубок был у него в руке, и когда он так сидел, вдруг пришел хозяин дома. А это был мамлюк [252], один из вельмож в городе, - он был конюшим у паря, - и эта комната была приготовлена им для удовольствия, чтобы его грудь там расправлялась и он мог бы уединяться в ней с кем хотел. А в этот день он послал к одному из своих возлюбленных, чтобы тот пришел к нему, и приготовил для него это помещение. И звали этого мамлюка Бахадур, и был он щедр на руку, раздавал милостыню и оказывал благодеяния. И когда он подошел близко..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать вторая ночь

Когда же настала двести тридцать вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Бахадур, хозяин дома, конюший, подошел к воротам дома и увидел, что ворота открыты, он стал входить понемногу-понемногу и, вытянув голову, посмотрел и увидел аль-Амджада и женщину, и перед ними блюдо с плодами и кувшины, я аль-Амджад в ту минуту держал кубок, а глаза его были направлены к двери. И когда глаза аль-Амджада встретились с глазами хозяина дома, его лицо пожелтело, и у него Задрожали поджилки, а Бахадур, увидев, что он пожелтел и изменился в лице, сделал ему знак, приложив ко рту палец, что значило: "Молчи и подойди ко мне!"

И аль-Амджад выпустил из руки кубок и поднялся, а женщина спросила его: "Куда?" - и он покачал головой и сделал ей знак, что идет отлить воду, а потом он вышел в проход, босой, и, увидав Бахадура, понял, что это хозяин дома. И он поспешил к нему и поцеловал ему руки и воскликнул: "Ради Аллаха, господин мой, прежде чем причинить мне вред, выслушай, что я скажу". И затем он рассказал ему свою историю, с начала до конца, и сообщил, почему он покинул свою землю и царство, и сказал, что он вошел в дом не по своей воле, но что эта женщина сломала засов и открыла ворота и совершила все эти поступки.

И когда Бахадур услышал слова аль-Амджада и узнал о том, что с ним случилось и что он царский сын, он почувствовал к нему влечение и пожалел его и сказал: "Выслушай, о Амджад, мои слова и повинуйся мне, и тогда я ручаюсь за твою безопасность от того, чего ты боишься, а если ты меня не послушаешься, я убью тебя". - "Приказывай мне, что хочешь, я не ослушаюсь тебя никогда, так как я отпущенник твоего великодушия", - ответил ему аль-Амджад. И Бахадур сказал: "Войди сейчас в дом и садись на то место, где ты был, и успокойся, а я войду к тебе (а зовут меня Бахадур), и когда я войду к тебе, начни меня ругать и кричать на меня и скажи: "Почему ты задержался до этого времени?" - и не принимай от меня оправданий, но побей меня, а если ты меня пожалеешь, я лишу тебя жизни. Входи же и веселись, и все, что ты ни потребуешь, ты тотчас же найдешь перед собой готовым. Проведи эту ночь, как ты любишь, а завтра отправляйся своей дорогой; все это я делаю из уважения к тому, что ты на чужбине, ибо я люблю чужеземцев и обязан оказывать им почет".

И аль-Амджад поцеловал Бахадуру руки и вошел, и лицо его облачилось в румянец и белизну, и, едва войдя, он сказал женщине: "О госпожа моя, ты развеселила мое обиталище, и это благословенная ночь". А женщина ответила: "Поистине, удивительно, что ты теперь проявил ко мне дружбу!" "Клянусь Аллахом, о госпожа, - сказал аль-Амджад, - я думал, что мой невольник Бахадур взял у меня драгоценные ожерелья, каждое ожерелье ценою в десять тысяч динаров, а сейчас я вышел, раздумывая об Этом, и стал искать и нашел их на месте. Я не знаю, почему мой невольник задержался до сего времени, и обязательно нужно будет его наказать".

И женщина успокоилась после слов аль-Амджада, и они стали играть, пить и веселиться, и наслаждались, пока не приблизился закат солнца. И тогда к ним вошел Бахадур (а он переменил на себе одежду и подпоясался и надел на ноги туфли, как обычно для невольников) и, поздоровавшись, поцеловал землю и заложил руки за спину, понурив голову, как тот, кто признает свою вину. И альАмджад взглянул на него гневным взором и сказал: "О сквернейший из невольников, почему ты опоздал?" - а Бахадур ответил: "О господин мой, я был занят стиркой платья и не знал, что ты здесь, так как мы сговорились с тобою встретиться вечером, а не днем". И аль-Амджад закричал на него и сказал: "Ты лжешь, о сквернейший из невольников, клянусь Аллахом, я обязательно тебя побью!"

И он поднялся и, разложив Бахадура на полу, взял палку и стал осторожно бить его, но тут женщина встала, вырвала палку из его рук и принялась жестоко бить Бахадура, так что тому стало больно от побоев и у него потекли слезы. И он начал звать на помощь, скрипя зубами, а аль-Амджад кричал женщине: "Не надо!" - но та говорила: "Дай мне утолить мой гнев на него!" Потом альАмджад выхватил палку из рук женщины и оттолкнул ее, а Бахадур поднялся, утер с лица слезы и почтительно простоял некоторое время перед ними обоими, а затем он вытер в комнате пол и зажег свечи.

И всякий раз, как Бахадур входил или выходил, женщина принималась ругать и проклинать его, а аль-Амджад сердился на нее и говорил: "Заклинаю тебя Аллахом великим, оставь моего невольника - он к этому не приучен". И они все время пили и ели, а Бахадур им прислуживал до полуночи, пока не устал от службы и побоев.

И он заснул посреди комнаты и стал храпеть и хрипеть, а женщина напилась пьяная и сказала аль-Амджаду: "Встань, возьми этот меч, что висит там, и отруби голову твоему невольнику, а если ты этого не сделаешь, я устрою так, что погибнет твоя душа". - "И что это тебе вздумалось убивать моего невольника?" - спросил аль-Амджад, и женщина воскликнула: "Удовольствие не будет полным, если я не убью его, и если ты не встанешь, встану я и убью его". - "Заклинаю тебя Аллахом, не делай этого", сказал аль-Амджад, но женщина воскликнула: "Этого не миновать!"

И, взяв меч, она обнажила его и собралась было убить Бахадура. И аль-Амджад сказал про себя: "Этот человек сделал нам добро и защитил нас и был с нами милостив и сделал себя моим невольником; как же мы воздадим ему убийством? Не бывать этому никогда!" - "Если ты считаешь, что смерть моего невольника неизбежна, то я имею больше права убить его, чем ты", сказал он женщине, а затем он взял меч у нее из рук и, подняв меч, ударил женщину по шее и отмахнул ей голову от тела.

И голова ее упала на хозяина дома, и тот проснулся и сел и открыл глаза и увидел, что аль-Амджад стоит и меч в его руке окрашен кровью. Потом он взглянул на девушку и, увидев, что она убита, спросил про нее аль-Амджада, и тот повторил ему ее историю и сказал: "Она отвергла все, кроме твоего убийства, и вот воздаяние ей". И Бахадур поднялся и поцеловал аль-Амджада в голову и сказал: "О господин, что, если бы ты простил ее! Теперь остается только одно: сейчас же вынести ее, пока не пришло утро".

И Бахадур подпоясался и, взяв труп женщины, завернул в халат, положил в корзину и понес. "Ты чужеземец и никого не знаешь, - сказал он аль-Амджаду, - сиди же на месте и жди меня до зари. Если я вернусь, то непременно сделаю тебе много добра и постараюсь выяснить, что случилось с твоим братом, а если солнце взойдет и я не вернусь к тебе, то знай, что со мною кончено. Мир тебе, и этот дом тогда твой, и тебе принадлежит все, какое есть в нем имущество и материи".

Потом Бахадур понес корзину и вышел из дома. Он прошел с корзиной по рынкам и направился с нею по дороге к соленому морю, чтобы бросить ее туда, и, подойдя уже близко к морю, он обернулся и увидел, что вали стражники окружили его. И, узнав Бахадура, они удивились, а открыв корзину, увидели в ней убитую, и тогда они схватили Бахадура и всю ночь продержали его в железных цепях, до утра.

А потом они отвели его к царю, вместе с корзиной, которая была все в том же виде, и осведомили его, в чем дело, и, увидав это, царь очень рассердился и воскликнул:

"Горе тебе, ты постоянно так делаешь, - убиваешь людей и кидаешь их в море и забираешь все их имущество. Сколько ты уже совершил

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
убийств раньше этого!" И Бахадур опустил голову..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать третья ночь

Когда же настала двести тридцать третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Бахадур опустил голову перед царем, и царь закричал на него и спросил: "Горе тебе, кто убил эту женщину?" - "О господин мой, - отвечал Бахадур, - я убил ее, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!" И царь рассердился на него и велел его повесить, и палач увел его, так как царь приказал ему это, и вали пошел вместе с глашатаем, который кричал в переулках города, чтобы выходили смотреть на Бахадура, царского конюшего, и его водили по переулкам и рынкам.

Вот что было с Бахадуром. Что же касается аль-Амджада, то, когда наступил день и поднялось солнце, а Бахадур не вернулся к нему, он воскликнул: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Посмотреть бы, что с ним сделалось и что случилось" И когда он так размышлял, вдруг закричал глашатай, чтобы выходили смотреть на Бахадура (а его вешали среди дня), и, услышав Это, аль Амджад заплакал и воскликнул: "Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Он захотел погубить себя без вины, из-за меня, а ведь это я убил ее. Клянусь Аллахом, не бывать этому никогда"

И он вышел из дома и запер его и шел по городу, пока не пришел к Бахадуру. И тогда он остановился перед вали и сказал ему. "О господин, не убивай Бахадура, - он невинен. Клянусь Аллахом, никто не убивал ее, кроме меня" И, услышав его слова, вали взял его вместе с Бахадуром и отвел обоих к царю и осведомил его о том, что он слышал от аль Амджада. Царь посмотрел на аль Амджада и спросил его: "Это ты убил женщину?" И аль Амджад ответил "Да!" - а царь сказал ему. "Расскажи мне, по какой причине ты убил ее, и говори правду". - "О царь, - сказал аль-Амджад, - со мной случилась удивительная история и диковинное дело, и будь оно написано иглами в уголках глаз, оно было бы назиданием для поучающихся".

А затем он рассказал царю свою историю и поведал ему, что случилось с ним и с его братом, от начала до конца. И царь пришел от этого в крайнее изумление и сказал ему: "Знай, я понял, что тебя можно простить. Не хочешь ли ты, о юноша, быть у меня везирем?" И аль-Амджад отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" - и царь наградил его дорогими одеждами и подарил ему красивый дом и слуг и челядь и пожаловал ему все, в чем он нуждался, и назначил ему выдачи и жалованье, и велел ему расследовать, что с его братом аль-Асадом.

И аль-Амджад сел на место везиря и творил справедливый суд, и назначал, и отставлял, и давал, и отбирал, и он послал по улицам города глашатая, чтобы тот кричал о его брате аль Асаде, и глашатай несколько дней кричал на площадях и рынках, но не услышал вести об аль-Асаде и не напал на его след.

Вот что было с аль-Амджадом.

Что же касается аль-Асада, то маги все время пытали его, ночью и днем, вечером и утром, в течение целого года, пока не приблизился праздник магов. И тогда маг Бахрам собрался в путешествие и снарядил корабль..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать четвертая ночь

Когда же настала двести тридцать четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда маг Бахрам снарядил корабль для путешествия, он взял аль-Асада, положил его в сундук и запер его в нем и понес его на корабль. А в ту" минуту, когда Бахрам переносил сундук, в котором был аль-Асад, аль-Амджад, по предопределенной судьбе, стоял и смотрел на море. И он увидел вещи, которые переносили на корабль, и душа его затрепетала, и он велел своим слугам подать ему коня и выехал с толпою своих людей и отправился к морю.

И он остановился перед кораблем мага и велел тем, кто был с ним, взойти на корабль и обыскать его, и его люди взошли на корабль и обыскали его целиком, но ничего не нашли на нем. И они пришли и осведомили об Этом аль-Амджада, и тот сел на коня и повернул назад, направляясь домой, и когда он прибыл в свое жилище и вошел во дворец, его сердце сжалось. И он окинул дом глазами и увидал там две строки, написанные на стене, и это было такое двустишие:

Любимые, коль скрылись вы из глаз моих,

То из сердца вы и души моей не скроетесь.

Но оставили за собой меня вы измученным,

И, у глаз моих отнявши сон, заснули вы.

И, прочитав эти стихи, аль-Амджад вспомнил своего брата и заплакал, и вот что было с ним.

Что же касается Бахрама-мага, то, взойдя на корабль, он заорал и закричал на матросов, чтобы поскорее распускали паруса. И они распустили паруса и поехали и ехали непрерывно в течение дней и ночей. А через каждые два дня Бахрам вынимал из сундука аль-Асада и давал ему поесть немного пищи и выпить немного воды. И они приблизились к Горе огня, и тут на них подул ветер, и море взволновалось, и корабль сбился с пути, и они пошли не по своей дороге и переехали в другое море.

Так они достигли города, построенного на берегу моря, и там была крепость с окнами, выходившими на море, а управляла этим городом женщина, которую звали царица Марджана. И капитан сказал Бахраму: "О господин, мы сбились с дороги, и нам обязательно нужно пристать к этому городу, чтобы отдохнуть, а после этого Аллах сделает, что хочет". И Бахрам отвечал: "Прекрасно то, что ты решил, и как ты решишь, так и сделай". - "Когда царица пришлет спросить о нас, каков будет наш ответ?" - спросил капитан, и Бахрам ответил: "У меня этот мусульманин, который с нами; мы оденем его в одежду невольников и выведем его вместе с нами, и когда царица увидит его, она подумает и спросит: "Это невольник?" - и я скажу ей: "Я продавец невольников и торгую ими. У меня было много невольников, и я продал их, и остался только Этот невольник". - "Это прекрасные речи", отвечал капитан.

И потом они подплыли к городу, спустили паруса и укрепили якоря, и корабль остановился, и вдруг царица Марджана выехала к ним со своим войском и остановилась подле корабля и крикнула капитана. И капитан поднялся к ней и поцеловал землю меж ее руками, а царица спросила его: "Что у тебя на этом корабле и кто есть с тобою?" - "О царица времени, - отвечал капитан, - со мною один торговец, который продает невольников", - и царица крикнула: "Ко мне его!"

И вот Бахрам вышел к ней, а аль-Асад был с ним я шел сзади, в обличье невольника, и, подойдя к царице, Бахрам поцеловал землю и остановился перед ней. "Каково твое дело?" - спросила его царица, и он ответил: "Я торговец рабами". И царица взглянула на аль-Асада и подумала, что это невольник. "Как твое имя?" - спросила она его.

И аль-Асада задушил плач, и он ответил: "Мое имя альАсад".

И сердце царицы устремилось к юноше, и она спросила: "Умеешь ли ты писать?" - и аль-Асад ответил: "Да!"

И тогда царица подала ему чернильницу, калам и бумагу и сказала: "Напиши что-нибудь, а я посмотрю", - и альАсад написал такие два

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
стиха:

"Что может придумать муж, раз вечно течет судьба

Враждебно к нему во всем? – скажи, о смотрящий,

Бросает она его в пучину, связав его,

И молвит: "Смотри, смотри, в воде не промокни",

И когда царица прочитала бумажку, она пожалела альАсада и сказала Бахраму: "Продай мне этого невольника", но тот отвечал: "О госпожа, мне невозможно его продать, так как я продал всех моих невольников и у меня остался только этот". Тогда царица Марджана воскликнула: "Его непременно надо у тебя взять, либо купить, либо отобрать как подарок!" – "Я его не продам и не подарю!" – сказал Бахрам. Но царица взяла аль-Асада за руку и увела его и поднялась с ним в крепость и послала сказать Бахраму: "Если ты не отчалишь сегодня ночью от нашего города, я возьму все твое достояние и разобью твой корабль".

И когда это послание прибыло к Бахраму, он очень огорчился и воскликнул: "Поистине, это нехорошее путешествие!" Потом он поднялся и снарядился и взял всего, что ему было нужно, и стал ожидать, когда придет ночь, чтобы уехать, и сказал матросам: "Приготовьтесь и наполните бурдюки водой, и в конце ночи мы двинемся".

И матросы стали делать свои дела, ожидая ночи, и ночь пришла, и вот что было с матросами.

Что же касается царицы Марджаны, то она взяла аль-Асада и, приведя его в крепость, отворила окна, выходившие на море, и велела невольницам принести кушаний. И они принесли им кушаний, и оба поели, а затем царица велела подать вино..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать пятая ночь

Когда же настала двести тридцать пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царица Марджана велела невольницам подать вино, и они его подали, и царица стала пить вместе с альАсадом. И Аллах – велик он и славен! – закинул ей в сердце любовь к Аль-Асаду, и она принялась наполнять кубки и поить его, пока не исчез его разум. И аль-Асад поднялся, желая исполнить нужду, и вышел из комнаты и, увидав открытую дверь, прошел в нее и пошел дальше, и путь привел его к большому саду, где были всякие плоды и цветы. И аль-Асад сел под дерево и исполнил свою нужду, а потом он подошел к водоему, бывшему в саду, и опрокинулся навзничь (а одежда на нем была развязана), и его ударило воздухом, и он заснул, и пришла к нему ночь.

Вот что было с аль-Асадом. Что же касается Бахрама, то, когда наступила ночь, он крикнул матросам на корабле: "Распускайте паруса и поедем!" – а матросы ответили: "Слушаем и повинуемся, но только подожди, пока мы наполним наши бурдюки, и тогда мы отчалим".

И затем матросы вышли с бурдюками, чтобы их наполнить, и обошли вокруг крепости, но увидели только стены, окружающие сад. И они взобрались на стены и спустились в сад я пошли по следам чьих-то ног, ведшим к водоему, и, придя сюда, они увидали аль-Асада, опрокинувшегося навзничь. И матросы узнали его и обрадовались, и взяли юношу, наполнив сначала свои бурдюки, и соскочили со стены, поспешно принесли его к Бахраму и сказали: "Радуйся достижению желаемого и исцелению души. Твой барабан застучал, и твоя флейта засвистела: "Пленника, которого царица Марджана насильно отняла у тебя, мы нашли и принесли с собой". [253]

И потом они бросили аль-Асада перед Бахрамом, и, когда Бахрам увидал юношу, его сердце улетело от радости, и его грудь расширилась и расправилась. И он наградил матросов и велел им поскорее распускать паруса, и они распустили паруса и поехали, направляясь к Горе огня, и ехали непрерывно до утра.

Вот что было с ними. Что же касается царицы Марджаны, то, когда аль-Асад ушел от нее, она прождала его некоторое время, но он не возвращался. И она стала его искать, но не нашла и следа его. И тогда царица зажгла свечи и велела невольницам искать юношу, а потом она сама вышла и, увидав, что сад открыт, поняла, что альАсад вошел туда. И она пошла в сад и нашла возле водоема сандалию аль-Асада. После этого она обошла весь сад, разыскивая юношу, но ничего о нем не узнала. И царица искала его во всех углах сада до утра, а потом она спросила про корабль, и ей сказали, что он ушел в первую треть ночи. И царица поняла, что моряки взяли аль-Асада с собою, и разгневалась, и ей стало тяжело.

И она велела тотчас же снарядить десять больших кораблей и приготовилась к войне и взошла на один из десяти кораблей, и с нею вместе сели на корабли невольники и невольницы, и воины были снаряжены и надели прекрасное оружие и военные доспехи. И распустили паруса, и царица сказала капитанам: "Если вы нагоните корабль того мага, у меня будут для вас почетные одежды и деньги, а если не нагоните, я перебью вас до последнего".

И моряков охватил страх и великая надежда. И они проплыли на кораблях этот день, и эту ночь, и второй день, и третий день, а на четвертый день они завидели корабль Бахрама-мага, и день еще не закончился, как корабли окружили и обступили корабль мага.

А Бахрам в это время вывел аль-Асада и принялся его бить и пытать, а аль-Асад призывал на помощь и в защиту, но не нашел среди людей ни помощника, ни защитника, и сильные побои причиняли ему боль. И когда маг пытал его, он вдруг бросил взгляд и увидел, что корабли обступили его корабль и окружили его, как белое в глазу окружает черное, и понял он, что несомненно погибнет. И Бахрам вздохнул и воскликнул: "Горе тебе, о Асад, – все это из-за твоей головы!" – а затем он взял его за руку и велел своим людям бросить его в море и воскликнул: "Клянусь Аллахом, я непременно убью тебя раньше, чем умру!"

И тогда аль-Асада подняли за ноги и за руки и бросили посреди моря. Но Аллах – велик он и славен! – пожелал его спасти и не дал окончиться его сроку, и допустил он, чтобы аль-Асад нырнул и вынырнул, и юноша до тех пор бил руками и ногами, пока Аллах не облегчил его участь и не пришел к нему на помощь. И аль-Асада ударила волна и унесла его далеко от корабля мага и прибила к берегу, и юноша вышел, не веря в свое спасение, а оказавшись на берегу, он снял с себя одежду и выжал ее и разостлал и сел голый, плача о том, что с ним сталось, и о случившихся с ним бедствиях: побоях, пленении и изгнании. И он произнес такое двустишие:

"О боже, стойкость кончилась и хитрость:

Стеснилась стойкость, и порвалась веревка!

Кому же бедным жаловаться, кроме

Владыки, о властителей властитель?"

А окончив стихи, он поднялся и надел свою одежду, не зная, куда идти и куда направиться. И стал он питаться злаками земли и плодами деревьев, а пил воду из ручьев, и он шел ночью и днем, пока не приблизился к какому-то городу. И аль-Асад обрадовался и ускорил шаг, и когда он подошел к городу, его застиг вечер..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать шестая ночь

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Когда же настала двести тридцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда аль-Асад подошел к городу, его застиг вечер и ворота города были уже заперты. И по воле судьбы и рока случилось так, что это был тот город, где аль-Асад был в плену, а брат его альАмджад был там везирем у царя этого города. И, увидав, что город заперт, аль-Асад пошел по направлению к кладбищу, в сторону гробниц. Дойдя до кладбища, он увидел гробницу без дверей и вошел в нее и лег там, закрыв лицо полой.

А Бахрам-маг, когда царица Марджана подплыла к нему на кораблях, разбил их своим коварством и колдовством и благополучно повернул к своему городу и в тот же час и минуту поплыл, радостный. И, плывя мимо кладбища, он сошел с корабля, по воле судьбы и рока, и прошелся среди могил, и увидел, что гробница, в которой лежал аль-Асад, открыта. И он удивился и воскликнул: "Обязательно загляну в эту гробницу!" - и заглянул туда и увидал рядом с гробницей аль-Асада, который спал, закрыв голову полой.

И Бахрам посмотрел ему в лицо и узнал его и воскликнул: "Разве ты до сих пор жив?" И затем он взял его и унес к себе домой, а у него в доме был под землей подвал, приготовленный для того, чтобы пытать мусульман. И была у него дочка по имени Бустан. И Бахрам наложил аль-Асаду на ноги тяжелые оковы и посадил его в этот подвал, поручив своей дочери пытать его ночью и днем, пока он не умрет, а затем он больно побил юношу и запер его в подвале и отдал ключи своей дочери.

И дочь его, Бустан, отперла подвал и спустилась туда, чтобы побить аль-Асада, и увидела она, что это юноша с изящными чертами, сладостный видом, с бровями, как лук, и черными зрачками, и любовь к нему запала ей в сердце, и она спросила юношу: "Как твое имя?" - "Мое имя аль-Асад", ответил он, и Бустан воскликнула: "Да будешь ты счастлив, и да будут счастливы твои дни! Ты не Заслуживаешь пыток и побоев, и я знаю, что ты обижен".

И она принялась развлекать его словами и расковала его цепи, а затем она стала расспрашивать его о вере ислама, и аль-Асад рассказал ей, что это вера истинная и прямая и что господин наш Мухаммед - творец блестящих чудес [254] и явных знамений, а что огонь приносит вред, но не пользу. И он принялся рассказывать ей об исламе и его основах, и девушка подчинилась ему, и любовь к вере вошла ей в сердце, и Аллах великий пропитал ее душу любовью к аль-Асаду.

И девушка произнесла оба исповедания и была причислена к людям счастья, и стала она кормить аль-Асада и поить его и разговаривала с ним, и они молились вместе. И девушка готовила ему отвары из куриц, пока он не окреп и не прошли его болезни и он не стал снова таким же здоровым, как был, и вот что случилось у него с дочерью Бахрама-мага.

Однажды дочь Бахрама вышла от аль-Асада и встала у ворот и вдруг слышит, глашатай кричит: "Всякий, у кого находится красивый юноша такого-то и такого-то вида и кто объявит о нем, получит все деньги, какие потребует, а всякий, кто держит его у себя и отречется от этого, будет повешен на воротах своего дома и его имущество будет разграблено и кровь его прольется безнаказанно".

А раньше аль-Асад рассказал Бустан, дочери Бахрама, обо всем, что с ним случилось, и, услышав слова глашатая, Бустан поняла, что аль-Асад и есть тот, кого ищут. И она вошла к нему и рассказала ему, в чем дело, и аль-Асад вышел и направился к дому везиря, и, увидев везиря, он воскликнул: "Клянусь Аллахом, этот везирь - мой брат альАмджад!"

И затем он вошел, и женщина вошла за ним во дворец, и, увидев своего брата аль-Амджада, аль-Асад бросился к нему, и туг аль-Амджад узнал своего брата и тоже бросился к нему, и они обнялись, и мамлюки окружили их, сойдя со своих коней, и аль-Асад с аль-Амджадом обеспамятели на некоторое время. А когда они очнулись от обморока, аль-Амджад взял аль-Асада и поднялся с ним к султану и рассказал ему историю своего брата, и султан велел разграбить дом Бахрама..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести тридцать седьмая ночь

Когда же настала двести тридцать седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что султан приказал аль-Амджаду разграбить дом Бахрама и повесить его семью, и везирь послал для этого людей, которые отправились к дому Бахрама и разграбили его. И они привели его дочь к везирю, и тот проявил к ней уважение. И аль-Асад поведал своему брату обо всех пытках, которые ему пришлось вынести, и о том, какие милости оказала ему дочь Бахрама, и аль-Амджад проявил к ней еще большее уважение. Затем аль-Амджад рассказал аль-Асаду обо всем, что произошло у него с той женщиной и как он избавился от повешения и стал везирем, а после этого каждый из них принялся жаловаться другому на то, что испытал, расставшись с братом.

И затем султан велел привести мага и приказал отрубить ему голову, и Бахрам спросил: "О величайший царь, твердо ли ты решил убить меня?" "Да", - отвечал царь. И Бахрам сказал: "Подожди со мною немного, о царь!" - и после этого он склонил голову к земле, а затем поднял ее и произнес исповедание веры и принял ислам при содействии султана, и все обрадовались, что он принял ислам.

Потом аль-Амджад и аль-Асад рассказали Бахраму обо всем, что с ними случилось, и тот изумился и воскликнул: "О господа мои, собирайтесь в путешествие, и я поеду с ваий". И братья обрадовались этому и тому, что Бахрам принял ислам, и заплакали сильным плачем. "О господа мои, - сказал им Бахрам, - не плачьте: в конце концов вы нашли друг друга и соединились, как соединились Нима и Нум". - "А что случилось с Нимой и Нум?" - спросили Бахрама.